

УДК 39(571.63)(=941.135)

Исаев А.А.

Реакция городского населения Дальнего Востока СССР на займовые кампании в 1930-е–1941 гг.

Распространение денежных займов играло важную роль в деле социалистического развития СССР, поэтому каждый его житель должен был принять участие в подписке. Власть рассчитывала при помощи активного использования займов внутри страны покрыть значительную часть бюджетных расходов. Если первоначально подписка на займ являлась добровольной, то уже с конца 1920-х гг. добровольность подменялась массивным политико-психологическим принуждением. При этом официально участие в кредитных операциях государства по-прежнему декларировалось как проявление свободного волеизъявления трудящихся города и деревни.

Проблема анализа процесса организации, проведения и результатов займовых кампаний в СССР в предвоенный период получила развитие в историографии ещё в 1920-е–1930-е гг. [1; 2; 7; 17; 19; 20; 21]. В данных работах выявлялись причины и варианты процесса осуществления займовой политики государства. В послевоенный советский период так же, как и в предвоенный, освещение данной тематики шло поверхностно, поскольку необходимость в этом отсутствовала, в связи с тем, что считалось, что займовые кампании воспринимались народными массами с радостью и воодушевлением [4; 9; 15; 16]. При этом подчёркивалось, что очередной новый займ необходим для закрепления завоеваний социализма. В постсоветский период в связи с открытием архивных материалов для общественности, а также появлением междисциплинарного подхода и его внедрением в историческую науку началось активное исследование процесса проведения займовых кампаний. Как правило, в таких работах основной упор делался на выявлении общих экономических [3; 5; 6], политических [10], социальных принципов проведения займовой политики. Вместе с тем ряд исследователей начал затрагивать проблему добровольности и принуждения в ходе подписки на займ [11; 12; 13; 14], а также самого отношения к данному процессу со стороны населения страны [8]. Однако комплексного исследования реакции городского населения Дальнего Востока СССР на процесс организации и осуществления займовых кампаний до сих пор практически нет.

Развитие индустриализации в СССР требовало больших финансовых ресурсов, которые в условиях социально-экономической изоляции страны можно было получить в основном только за счёт установления жёсткого контроля над денежными накоплениями населения. Смена финансово-экономической политики государства способствовала росту роли долгосрочных государственных займов. Однако значительные суммы по займам могли обеспечить только ударники и передовики производства, чья заработная плата была на порядок выше среднего уровня. Своим примером они продвигали главную идею данной политики, которая состояла в обеспечении максимально широкого охвата работающего населения городов участием в кредитных операциях государства.

Советское руководство понимало, что накопленный населением финансовый ресурс ограничен и быстро сойдёт на нет, что в условиях острого дефицита может усложнить отношения населения к государственной политике. Поэтому принимались соответствующие меры прямого, но чаще косвенного социально-экономического и политико-идеологического давления на граждан. Утверждалось, что "участие в займе – дело классовой совести, чести и сознания трудящегося", официальная пропаганда не только призывала про-

демонстрировать "образцы большевистской сознательности при подписке", "по-ударному реализовать новый заем", но и подвергала суровой критике тех, кто подписывался на маленькие суммы или отказывался от подписки. Одним из наиболее действенных методов обеспечения участия населения в займах являлось усиление политического и эмоционально-психологического накала соответствующих кампаний. В первую очередь, это достигалось за счёт развития тезиса о возрастающей военной угрозе со стороны империалистического окружения СССР, целенаправленной и массовой эксплуатации знаменитой сталинской "аксиомы" об обострении классовых борьбы по мере продвижения Советского Союза к социализму. Немаловажную роль играло и противопоставление участия в займах возрастающему сопротивлению разного рода "вредителей", "правых реставраторов капитализма" и "затаившихся классовых врагов" [14, с. 66]. Об этом, в частности, говорили тексты лозунгов, которые также продемонстрировали основные направления по поддержанию и финансированию тех или иных аспектов государственной политики. "В капиталистических странах – бесправие, нищенское положение рабочих и крестьян. У нас – Сталинская конституция, у нас счастливая, радостная, зажиточная жизнь трудящихся. Подпиской на Заем ... ещё выше поднимем культурный уровень и зажиточность народов СССР!"; "Учителя, агрономы, инженеры, техники, врачи, работники искусств, учёные! Советское государство обеспечило высокое развитие культуры, науки и техники в стране победившего социализма! Дружной подпиской на Заем ... дадим новые средства для дальнейшего развития советской науки и техники!" и др. (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 746. Л. 217–219)¹.

В ходе займовых кампаний помимо добровольности присутствовали элементы принуждения и администрирования, что являлось общей тенденцией перехода экономики к директивно-плановой модели развития. Постепенно политико-идеологическое давление на городское население в период проведения займов становилось более агрессивным, что отражало особенности исторического периода. Ответственный работник Наркомата финансов СССР И.В. Эпштейн в своём выступлении заявлял: "Мы будем осуществлять моральное воздействие. По первому займу индустриализации мы это делали стыдливо. Сейчас мы говорим открыто, что хотим создать такое настроение на предприятиях и в учреждениях, при котором станет зазорным не купить заем. Интересы отдельного работника должны быть подчинены общим интересам" [13, с. 294].

На Дальнем Востоке СССР в преддверии очередной займовой кампании местное партийно-политическое руководство в лице Дальневосточного краевого комитета (далее – Далькрайком) ВКП(б) заранее получало из Москвы соответствующие постановления и распоряжения. По каждому региону утверждалось контрольное задание, данное Наркоматом финансов, – какая сумма должна быть собрана с определённой социально-экономической группы населения. Далее они направлялись в областные комитеты ВКП(б), которые должны были в течение 5 дней довести контрольные задания до районных комитетов ВКП(б). Они варьировались от одного до трёх или четырёхнедельного заработка работника при 100% охвате подпиской населения. После опубликования соответствующего декрета о займе, в районы командировались ответственные представители для помощи в размещении займа. Реализация займа в городах и посёлках должна была быть обеспечена в течение 10 дней со дня опубликования закона о займе. Краевой совет профсоюзов и Крайком ВЛКСМ разворачивал через профсоюзные и комсомольские организации работу по подписи на заем среди населения края. Для более широкого охвата трудящихся использовались средства массовой информации. Редакции региональных газет "Тихоокеанская Звезда", "Тихоокеанский комсомолец", "Красное Знамя" и других областных и районных газет Дальнего Востока были обязаны опубликовать декрет о новом займе и развернуть работу по разъяснению трудящимся назначения советских займов и их выгоды для населения (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 342. Л. 87–88).

На предприятиях, организациях и в учебных заведениях проводились закрытые партийно-комсомольские собрания, на которых утверждался план

¹ ГАПК – Государственный архив Приморского края.

проведения мероприятий по эффективной реализации займа. Основой этого плана являлось проведение широкой политико-идеологической работы, которая осуществлялась специально подготовленными агитаторами и пропагандистами в цехах, рабочих общежитиях, на судах, в портовых учреждениях, в депо и т.д. Здания предприятий и организаций накануне проведения займов празднично оформлялись плакатами и лозунгами. Выпускались стенные газеты, создавались фотовитрины с демонстрацией работников, которые внесли большие суммы в дело государственного строительства (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 370. Л. 97). На все суда, находящиеся в плавании, передавались соответствующие радиogramмы с разъяснением форм и методов работы по размещению очередного займа (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 35. Л. 19).

На организованных митингах и собраниях выступали партийные и производственные руководители, а также передовики производства с призывами поддержать займовую кампанию, делая акцент на особенности внутренней и внешней политики СССР. Так, в обращении кандидата ВКП(б) Дроглобова на митинге в паровозовагоноремонтном заводе в г. Ворошилово говорилось: "Японские самураи тянут свои грязные лапы на наш Советский Союз. Для того чтобы отрубить им эти грязные лапы, мы, рабочие-кузнецы, все как один подпишемся на этот займ. Я подписываюсь на месячный оклад". Ему вторил землепок Труфанов: "Учитывая сложившуюся международную обстановку, я лучше откажу себе в излишних потребностях, а государству помощь тем, чтобы фашистские агрессоры ещё раз почувствовали сплочённость нашего народа и крепость наших границ" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 14. Л. 45-47). Выступивший на митинге подразделения военизированной охраны ДВМФ кандидат ВКП(б) Чёрных заявлял: "Я приветствую постановление нашего правительства о выпуске нового займа, направленного на укрепление обороноспособности нашей цветущей родины и улучшение культурной жизни трудящихся. Мой оклад 150 рублей. Я подписываюсь на 200 рублей" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 21. Л. 14). Во время подписки на Заем 1940 г. в вагоно-ремонтном пункте станции Ружино, плотник Сторожук говорил: "Нам ни одна капиталистическая страна средств не даёт в займы, и нам нужно укреплять оборону страны, и мы должны на угрозу врагам и хищникам капиталистам ответить 100% подпиской на заем" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 62. Л. 124).

Данные высказывания и активная подписка на Займ демонстрировали поддержку мероприятий правительства со стороны рабочих и служащих. Вкладывая свои финансовые ресурсы, которые во многом были ограничены, население региона рассчитывало на то, что государство грамотно распорядится ими и создаст т.н. "светлое будущее", а именно социалистическое справедливое государство, которое обещали большевики после прихода к власти. Она же (власть) в свою очередь рассчитывала привлечь финансы населения к делу построения социализма. В условиях классовой борьбы и осложнения внешне-политической обстановки в 1930-е гг. это было особенно актуально.

Реализация займа, согласно официальной отчётной информации, как правило, проходила с большим энтузиазмом. Так, на пароходе "Свердловск" 15 апреля 1934 г. сразу после митинга, о выпуске Займа 2-й пятилетки подпиской было охвачено 90% команды (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 612. Л. 264-265)². Во время подписки на Займ 2 августа 1939 г. на заводе им. Орджоникидзе в г. Хабаровске за первые 3 часа по подписке было собрано около 250 000 руб. В Сталинском районе г. Хабаровска за несколько часов трудящиеся района подписались на 3 074 000 руб., что составило 50,7% от фонда зарплаты (ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 116).

Во время реализации Займов значительная часть трудящихся активно поддерживала данный процесс. Так, швейцар вокзала станции Хабаровск-1 Сорокопуд во время подписки на заем высказался: "Я подписываюсь на оклад и думаю, что будет стыдно тем, кто подпишется меньше, ведь посмотрите, как на наших глазах строится Хабаровск, нам строят 4-х этажную школу, в которой будут учиться наши дети, на это просто радостно смотреть". Чернышёв, носильщик вокзала станции Хабаровск, заявлял: "Я подписываюсь на 300 руб., а ведь строю свой дом, но как-нибудь обойдусь. Ребята же школой будут обеспечены, а эти деньги у государства не пропадут". Начальник группы ма-

² ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

териальной службы управления ДВЖД Спицын, по вопросу о займе, указал: "Дать заем государству нужно, так как эти деньги идут на улучшение нашего же быта. Давая деньги государству, каждый улучшает жизнь самому себе" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 944. Л. 272-273).

Часты были случаи, когда подписавшиеся просили об увеличении суммы подписки. Например, на пароходе "Воровский", после оглашения хода подписки, матросы Четвертнов и Кириченко явились с просьбой об увеличении суммы подписки. На пароходе "Шмидт" не было ни одной подписи давшего менее 100% месячной заработанной платы (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 612. Л. 266).

В Дальневосточном государственном морском пароходстве было охвачено 97% работников на общую сумму подписки 206 000 руб., что составило 106% от плана. По управлению Морфлота подписка прошла полностью за один день (2 июля 1936 г.), и ею было охвачено 98% всех работников на сумму 111 600 руб., что составило 110% выполнения (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 175).

На митинге коллектива радиостанции им. Фрунзе кроме членов коллективов присутствовало 10 домохозяек, которые подписались на 900 руб. На стройке ГВФ подпиской было охвачено 22 человека на сумму 25 700 руб. Коллектив предприятия Дальвзрывпрома собрал средства на сумму 33 610 руб., что превышало месячный фонд зарплаты на 610 руб. По Дальневосточной железной дороге подпиской было охвачено 10 722 чел., на сумму 3 981 305 руб. В Бикинском районе 347 работающих собрали средства на сумму 110 636 руб. Трудящиеся Еврейской Автономной области в первый день сбора средств, 2 августа 1939 г., обязались передать в фонд займа 3 975 000 руб. (ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 115-118).

Призывы к участию в займовых кампаниях получили положительный отклик и в среде верующих Дальнего Востока, несмотря на то, что в рассматриваемый период они подвергались преследованию со стороны властей [18, с. 295].

Наряду с общим подъёмом и политической активностью коллективов предприятий и организаций имели место отдельные проявления несогласия и недовольства подпиской, которые проявлялись в попытках затормозить или сорвать подписку на Заем. Так, в 1932 г. на собрании актива судового комитета, его председатель Говорин, член ВКП(б), выступил со словами: "Ещё не успели выплатить за этот заем, а тут тебе уже другой подсовывают. Все у нас из кармана тянут, а нам ничего не дают". За эту фразу Говорин был снят с работы с вынесением ему строгого выговора (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 8. Д. 4. Л. 3). На пароходе "Уэлен" механик Сивицов подписался на 40%, а когда ему стали задавать вопросы о причинах он ответил: "Если будете указывать, то я совсем не подпишусь" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 612. Л. 266). В 1935 г. члены коллектива Владивостокского торгового порта – комсомольцы Роянов и Шадрин (из демобилизованных красноармейцев) отказались подписаться и сагитировали 13 чел. членов своей бригады, заявляя: "Нам ничего не дают, а все с нас берут, много нам обещали при вербовке из армии на работу в район, обещанного не сдержали". Заведующий причалом Новак отказался от подписки со словами: "Вы бросьте меня агитировать и убеждать, я и без вас все знаю, куда идут займы, подписка добровольная, поэтому я не буду подписываться". Грузчик Воробьев, несмотря на общественное воздействие бригады, подписался лишь на 100 руб. и с иронией заявил: "Пусть разбогатеют на мои 100 руб. и построят лишний винтик на самолёт!". В марте 1933 г., выступая на общем собрании хозяйственной бригады в депо станции "Бочкарево", бригадир Подопригора заявлял: "Деньги за заем платим, и берут ежегодно, а улучшений для рабочих не видно. Сейчас, подписываясь на заем, нужно постоянно контролировать правильность использования средств, куда они пойдут, а то опять уйдут и неизвестно на что" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 768. Л. 196). Свой протест против участия в подписной кампании, отражавший настроения части рабочих, озвучил рабочий станции Хабаровск Матвейчук, который заявлял: "Ну, а я подписываться не буду, лучше пропью, но на заем ни копейки не дам, они мои кровные, и никто у меня их не может отнять" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 944. Л. 273-274).

Некоторые рабочие категорически отказывались от подписки на займ по причине низкой оплаты труда. Часть подписывалась только на минимальные суммы от 50 до 200 руб., при среднем заработке от 280 до 500 руб. Во время подписки имели место следующие заявления: "Денег и так мало, а вы тут ещё с займом", "Возьмите 20 руб. и отстаньте от меня" (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 370. Л. 98об-99). Это происходило далеко не всегда из-за прямой ненависти к государственной политике, а в основном из-за низкой оплаты труда и других социально-экономических проблем, которых было много в 1930-е гг. Так, например, в августе 1939 г. на швейной фабрике г. Биробиджана отказались от подписки 9 человек (ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 119). Бригада женщин-работниц Дальстройвода отказалась подписываться на заем, мотивируя плохими и тяжёлыми условиями труда, временностью работ и низкими заработками. После проведения с ними политико-идеологической беседы прикреплённого работника Политотдела Курицыной все женщины подписались на заем (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 21. Л. 16). Рабочий паровозного депо Тиговский заявлял: "Зачем меня насиловать, вы с меня последнюю рубашку снимаете" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 62. Л. 125).

В практике проведения кампаний по подписке на Заем порой отмечались случаи организованного сопротивления. Например, в мае 1935 г. все работники обоза военного порта г. Владивостока отказались от подписки. В связи с этим, уполномоченный по подписке работник Лубек был вынужден вторично проводить специальный митинг, после которого с натяжкой на заем подписались 23 чел., остальные 30 чел. категорически отказались (ГАХК. Ф. П-30. Оп. 1. Д. 202. Л. 50).

В ходе подписной кампании имелись примеры явного подлога со стороны официальных лиц. Приехавший из Амурского областного финотдела в посёлок Серышево инструктор Измайллов на собрании пытался дать неверную установку, заявив, что меньше чем на 50 руб. подписка на заем не принимается. Комсомольцы Заречно-Слободнинского прииска Зейской области во главе с секретарём комсомольской ячейки Лоскутовым покинули общее собрание (когда на нем начали обсуждать вопрос о займе), взяли гармошку, вышли на улицу и открыли танцы. В результате, собрание было сорвано (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 945. Л. 206).

Часто слабая активность населения в период подписки на Займ объяснялась неудовлетворительной работой ответственных лиц или вовсе её отсутствием. Подчас проводившие прибегали к методам администрирования, осуществляя давление на население. Имело место и самоустранение ответственных лиц от выполнения своих обязанностей. Все это способствовало отталкиванию желающих от участия в важном для государства деле. Так, согласно информации специальной сводки "О недочётах при реализации займа 2-й пятилетки (выпуск 4-го года) в ДВК" от 3 августа 1936 г. отмечалось, что "начальник Районного отдела связи в г. Комсомольск Милованов член ВКП(б), подписку на заем проводил таким образом – вызывал к себе в кабинет по очереди работников своего аппарата и говорил – "вышел новый заем и работники почты должны подписаться, желательно на месячный оклад". После чего подавал подписной лист". Подобные методы использовали и другие должностные лица. Рабочий Дальпромстроя (г. Комсомольск) Ломыга, критикуя такие методы, говорил: "у нас в цехе подписка прошла без всяких собраний и разъяснений. Я подписался на 200 руб., а зарабатываю 600–700 руб. Если бы подписка производилась на собраниях, в присутствии всех рабочих цеха с разъяснениями, то я, как передовик-производственник, подписался бы на месячный оклад" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 945. Л. 204–205).

Сам процесс займовых кампаний иногда вызывал недоумение со стороны граждан. Официальная пропаганда рисовала образ страны как самой богатой, которая нуждается в частичной помощи со стороны её граждан для преодоления небольших финансовых затруднений в результате "враждебного капиталистического окружения". Однако различные финансовые сборы, которых с каждым годом становилось больше, демонстрировали лукавство властных структур. Особое неудовольствие граждане высказывали в преддверии конверсии (обмена старых облигаций на новые, без розыгрыша) предыдущих займов. Лейтенант полка железнодорожного корпуса Сахарчук в кругу сослуживцев по этому поводу заявлял: "Я думал, что у нас в СССР много золота и

займов более не будет, а тут оказалось ещё один заем, да ещё на 20 лет, этого займа выигрыша я не дождусь, да и мои дети будут ждать эти облигации и навряд ли дождутся. Но, а если подсчитать все вычеты из зарплат, как-то культурбор, подписку на газеты, заем, вот тебе и хлебные 100 руб." (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 176). В разговоре с работниками ресторана Войнов Б.А. в августе 1935 г. высказал своё принципиальное несогласие с проведением подписки на заем, добровольных отчислений в фонд постройки самолёта-гиганта и т.д. "Я не могу мириться со всеми удержаниями, я на один только заем по требованию парторга треста подписался на 1000 рублей. Они замучили нас своими удержаниями. Прожить становится не на что. Мне надоела эта работа. Я с удовольствием бы оставил свой партийный билет, т.к. положительно в нем не нуждаюсь" (ГАХК. Ф. П-30. Оп. 1. Д. 202. Л. 140). Экономист Государственного морского пароходства Гурский, на обращение о необходимости всем подписаться на заем, заявлял: "Что? За успешное проведение займа будут премировать. Подумаешь достижение, за наши деньги люди получают эту премию. Люди думали только начинать выигрывать, а тут вдруг срок удлинился на 20 лет и проценты по облигациям снизили наполовину" (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 176-177). Рабочий завода им. Ворошилова (г. Владивосток) Соловьёв, член ВКП(б), на кружке партийного просвещения заявлял: "Правительство теряет свой авторитет тем, что производит обмен старых займов на новый. Ведь многие займы должны погашаться в течение ближайших лет, а если будет произведён обмен, то ещё надо будет ждать 20 лет. Так будет бесконечно" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 945. Л. 206).

Многие недочёты и упущения, допускаемые в проведении подписки на займ в 1930-е гг., имели место и в предвоенные 1940-е гг. В результате размещения займа на 13 июня 1941 г. по дальневосточной железной дороге было охвачено 95,9% рабочих, а сумма подписки составила 78,2% к месячному фонду заработной платы. Из 22 крупных предприятий 16 подписались ниже трёхнедельного заработка. Особо плохо проходила подписка на заем на первом отделении дороги, где 91,1% работников подписались на 69,3% к месячному фонду заработной платы, т.е. ниже трёхнедельного заработка на каждого подписавшегося (РГАСПИ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 12. Л. 4)³.

Наличие негативной реакции части городского населения на займы расценивалось крайне отрицательно, поскольку могло снизить количественно и качественно финансовые поступления от населения и в то же время увеличить число недовольных. Для противодействия этому ставка делалась на широкое развёртывание политико-идеологической и массовой разъяснительной работы, к которой привлекался партийный и комсомольский актив. Важная роль также отводилась партийному и беспартийному активу, который искренне верил в то, что проводимая государством политика способствует будущему процветанию, а все возникающие при этом проблемы носят временный характер. Активисты своим примером (подпиской на займ значительными суммами) демонстрировали, что от вклада каждого зависит развитие страны.

Государство понимало, что критика его мероприятий, в том числе и займовых кампаний, являлась отчасти объективной. С другой стороны, факты несогласия и критики займовых кампаний использовались властными структурами для ликвидации неугодных граждан. Факты саботирования займов и негативных высказываний передавались местными аппаратами УНКВД в соответствующие обкомы и райкомы ВКП(б) для принятия соответствующих решений (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 176).

Сторонники и противники займовой политики государства были не постоянны. Всё зависело от того, в какой мере она затрагивала их интересы. Конечно, являясь далеко не глупыми людьми, большая часть рабочих и служащих полностью не верила власти и её обещаниям. Скептические настроения части городского населения время от времени проявлялись на протяжении всего предвоенного периода. Однако большая часть трудящихся, наученная горьким опытом, предпочитала молчать либо вторить большинству, поддерживая политику партии и государства. Несмотря на иногда прямое, но чаще косвенное противодействие части горожан Дальневосточного региона, местные и центральные властные структуры продолжали аккумулировать сред-

³ РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

ства, собранные с населения, превратив займы в форму дополнительного налогообложения.

Литература

1. Боголепов М.И. Финансовый план пятилетия (1928/1929 – 1932/33). Изд. 2-е. М.: Плановое хозяйство, 1929. 176 с.
2. Брюханов Н.П. Хозяйственное строительство и государственные займы СССР.: Госфиниздат СССР, 1928. 39 с.
3. Гимпельсон Е.Г. Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. М.: Собрание, 2006. 128 с.
4. Дьяченко В.П. История финансов СССР. 1917–1950 гг. М.: Наука, 1978. 495 с.
5. Караваев И.В., Мальцев В.А. Приоритеты бюджетной политики в период индустриальных преобразований 1928–1930-х гг.//Финансы и кредит. 2008. № 15. С. 67–75.
6. Карраск М.А. Государственные сберегательные кассы в СССР в период 1917-1940 гг.// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 11 (115). С. 107–112.
7. Каценеленбаум З.С. Денежное обращение России. М.-Л.: Экономическая жизнь 1924, 192 с.
8. Лютов Л.Н. Политические настроения провинциальной интеллигенции в освещении ОГПУ. 1928-1929 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 107–119.
9. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. В 3-х т. Т. 3. Социализм. М.: Государственное издательство политической литературы 1956. 643 с.
10. Мау В.А. Реформы и догмы. 1914-1929: очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М.: Дело, 1993. 256 с.
11. Миляков Н.В. Дефицит бюджета в 20-е годы. М.: Финансы и статистика, 1993. 91 с.
12. Миляков Н.В. Место государственного кредита в финансовой системе СССР в 1920-е годы: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.э.н. М. 2002. 54 с.
13. Пинаев С.М. "Займы индустриализации" конца 1920-х гг. и особенности их реализации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 8 (100). С. 290–295.
14. Страхов В.В. Внутренние государственные займы в СССР конца 1920-х – 1930-е годы // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2008. № 19. С. 59–79.
15. Струмилин С.Г. На плановом фронте. 1920–1930 гг. М.: Госполитиздат, 1958. 626 с.
16. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966. 514 с.
17. Твердохлебов В.Н. Государственный кредит. Л.: Финансовое издательство НКФ СССР, Ленинградское областное отделение, 1928. 163 с.
18. Федирко О.П. Образование и пропаганда на российском Дальнем Востоке. Saarbrücken, LAP, 2012. 367 с.
19. Юровский Л.Н. На путях к денежной реформе. М.: Изд-во "Финансовой газеты" 1924. 114 с.
20. Юровский Л.Н. Современные проблемы денежной политики. М.: Изд-во НКФ СССР, 1926. 191 с.
21. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). М.: Финансовое изд-во, 1928. 401 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bogolepov M.I. Finansovyy plan pyatiletiya (1928/1929 – 1932/33). Izd. 2-e. M.: Planovoe khozyajstvo, 1929. 176 s.
2. Bryukhanov N.P. Khozyajstvennoe stroitel'stvo i gosudarstvennyye zajmy SSSR.: Gosfinizdat SSSR, 1928. 39 s.
3. Gimpel'son E.G. Rossiya na perelome ehpokh. Osmyslenie XX stoletiya rossijskoj istorii. M.: Sobranie, 2006. 128 s.
4. D'yachenko V.P. Istoriya finansov SSSR. 1917–1950 gg. M.: Nauka, 1978. 495 s.
5. Karavaev I.V., Mal'tsev V.A. Prioritety byudzhetnoj politiki v period industrial'nykh preobrazovaniy 1928–1930-kh gg.//Finansy i kredit. 2008. № 15. S. 67–75.
6. Karrask M.A. Gosudarstvennyye sberegatel'nye kassy v SSSR v period 1917-1940 gg.// Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2012. № 11 (115). S. 107–112.

7. Katsenelenbaum Z.S. Denezhnoe obrashhenie Rossii. M-L.: EHkonomicheskaya zhizn' 1924, 192 s.
8. Lyutov L.N. Politicheskie nastroyeniya provintsial'noj intelligentsii v osveshhenii OGPU. 1928-1929 gg. // Voprosy istorii. 2007. № 6. S. 107–119.
9. Lyashhenko P.I. Istoriya narodnogo khozyajstva SSSR. V 3-kh t. T. 3. Sotsializm. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury 1956. 643 s.
10. May V.A. Reformy i dogmy. 1914-1929: ocherki istorii stanovleniya khozyajstvennoj sistemy sovetskogo totalitarizma. M.: Delo, 1993. 256 s.
11. Milyakov N.V. Defitsit byudzheta v 20-e gody. M.: Finansy i statistika, 1993. 91 s.
12. Milyakov N.V. Mesto gosudarstvennogo kredita v finansovoy sisteme SSSR v 1920-e gody: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d.eh.n. M. 2002. 54 s.
13. Pinaev S.M. "Zajmy industrializatsii" kontsa 1920-kh gg. i osobennosti ikh realizatsii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2011. № 8 (100). S. 290–295.
14. Strakhov V.V. Vnutrennie gosudarstvennye zajmy v SSSR kontsa 1920-kh – 1930-e gody // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. 2008. № 19. S. 59–79.
15. Strumilin S.G. Na planovom fronte. 1920–1930 gg. M.: Gospolitizdat, 1958. 626 s.
16. Strumilin S.G. Ocherki ehkonomicheskoy istorii Rossii i SSSR. M.: Nauka, 1966. 514 s.
17. Tverdokhlebov V.N. Gosudarstvennyj kredit. L.: Finansovoe izdatel'stvo NKF SSSR, Leningradskoe oblastnoe otdelenie, 1928. 163 s.
18. Fedirko O.P. Obrazovanie i propaganda na rossijskom Dal'nem Vostoke. Saarbrucken, LAP, 2012. 367 s.
19. YUrovskij L.N. Na putyakh k denezhnoj reforme. M.: Izd-vo "Finansovoy gazety" 1924. 114 s.
20. YUrovskij L.N. Sovremennye problemy denezhnoj politiki. M.: Izd-vo NKF SSSR, 1926. 191 s.
21. YUrovskij L.N. Denezhnaya politika sovetskoj vlasti (1917–1927). M.: Finansovoe izd-vo, 1928. 401 s.

Исаев А.А. Реакция городского населения Дальнего Востока СССР на займовые кампании в 1930-е–1941 гг.

На основе архивных документов анализируется реакция городского населения Дальнего Востока СССР на организацию и проведение государственных займовых кампаний в 1930-е гг. Обосновывается идея о том, что отношение городского населения региона было неоднозначным и зависело от различных политико-идеологических и социально-экономических аспектов его жизни. Для одних материальные проблемы (плохое снабжение, низкая заработная плата, нехватка жилья и др.) являлись основными и формировали, как правило, критическую реакцию. Для других данные проблемы являлись второстепенными и носили временный характер, главным для них был идейный фактор, убежденность в скором построении социалистического общества. Именно эти люди использовались властными структурами в качестве добровольных помощников, которые способствовали реализации займовой политики государства в дальневосточном обществе.

Ключевые слова: СССР, Дальний Восток, государственные займы, облигации, политико-идеологическая кампания, массово-разъяснительная работа

Isaev A.A. The reaction of the urban population of the Far East of the USSR to loan campaigns in the 1930s–1941.

On the basis of archival documents, the reaction of the urban population of the Far East of the USSR to the organization and conduct of state loan campaigns in the 1930s is analyzed. It justifies the idea that the reaction of the population was ambiguous and depended on various political, ideological and socio-economic aspects of the life of the urban population of the region. For some, material problems (poor supply, low wages, housing shortages, etc.) were fundamental in the formation of a certain, usually critical, reaction. For others, these problems were minor and were temporary, which would be obsolete with time, the main factor for them was the ideological factor, the conviction that the building of a socialist society would be soon. It was these people who were used by the authorities as voluntary assistants who contributed to the development of borrowing policy of the state in Far Eastern society.

Key words: the USSR, the Far East, state loans, bonds, political and ideological campaign, mass-explanatory work

Для цитирования: Исаев А.А. Реакция городского населения Дальнего Востока СССР на займовые кампании в 1930-е–1941 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 72–80. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/72-80

For citation: Isaev A.A. The reaction of the urban population of the Far East of the USSR to loan campaigns in the 1930s–1941. // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 72–80. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/72-80

